

УДК 81.08–055.1+81.08–055.2(045)

К вопросу об эвфемизмах в женской и мужской речи

В. И. КОВАЛЬ

Эвфемизмы – «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [5, с. 590], – регулярно встречаются в речи как женских, так и мужских литературных персонажей, однако в феминном и маскулинном дискурсах они имеют свою специфику. Отто Есперсен, одним из первых в 20-х годах прошлого столетия обратившийся к проблеме гендерной маркированности речи, отмечал, что для женского речевого поведения в целом весьма типично не только «подсознательное уклонение от непристойных, грубых выражений», но и «склонность к использованию «чистых», т.е. завуалированных и уклончивых фраз» (Цит. по: [2, с. 57]). Современная исследовательница женской речи Р. Лакофф замечает: «Женщины не употребляют непристойных и не деликатных выражений; женщины – это настоящие специалисты по эвфемизмам» [10, с. 55]. Мужчины (особенно в общении между собой), напротив, склонны к непосредственному выражению мыслей даже в том случае, когда речь идет о чем-то пикантном, деликатном. Сравн.: *Теперь никто не сомневался в настоящей причине его внезапного сближения с семьей Зиненок. Дамы говорили об этом с двусмысленными улыбками, мужчины в своем кругу называли вещи с циничной откровенностью их именами. <...> Все с удовольствием ждали соблазнительного скандала.* (Куприн. Молох).

Классическое иронично-насмешливое описание употребления эвфемизмов в манерной, салонной женской речи принадлежит Н.В. Гоголю: Ещё нужно сказать, что дамы города N. отличались, подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обошлась посредством платка». Ни в коем случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подало намек на это, а говорили вместо этого: «этот стакан нехорошо ведет себя» или что-нибудь вроде этого. (Гоголь. Мертвые души). Аналогичные употребляемые в женской речи «гиперкорректные варианты» [6, с. 296] встречаются и в повести Н.С. Лескова «Воительница»: К тому же и обращение у Домны Платоновны было тонкое. Ни за что, бывало, она в гостиной не скажет, как другие, что «была, дескать, я во всенародной бане», а выразится, что «имела я, сударь, счастье вчера быть в бестелесном маскараде»; о беременной женщине ни за что не брякнет, как другие, что она, дескать, беременна, а скажет: «она в своем марьяжном интересе», и тому подобное.

Использование разнообразных эвфемизмов в женской речи (*карамболь* ‘ссора, скандал’; *это дело* ‘интимные отношения’, *амуриться* ‘находиться в любовных отношениях’, *быть в любви* ‘иметь внебрачные связи’; *соленой водой умываться* ‘плакать’, *съесть живую рыбку* ‘забеременеть вне брака’) обусловлено необходимостью обращения к сферам, связанным с сильными эмоциональными переживаниями: *Через несколько времени пошел у них опять карамболь, пошел он ее опять что день трепать, а тут она какую-то жиличку еще к себе, приезжую барыньку из купчих, приняла. Чай, ведь сам знаешь, наши купчихи, как из дому вырвутся, на это дело препростые... Ну он ко всему же к прежнему да еще почал с этой жиличкой амуриться – пошло у них теперь такое, что я даже и ходить перестала.* (Лесков. Воительница); «У Копчиновых допреж служил, так прогнал его хозяин. – Аксинья понизила голос и досказала: – Сказывают, с самой хозяйкой в любви был... Ведь вот, тренафемская его душа, какой смелый!» (Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); *Заходила я*

потом еще раз два, все застаю: сидит она у себя в каморке да плачет. «Что так, – говорю, – мать, что рано соленой водой умываться стала?» – «Ах, – говорит, – Домна Платоновна, горе мое такое», – да и замолчала. – «Что, мол, – говорю, – такое за горе? Иль живую рыбку съела?» – «Нет, – говорит, – ничего такого, слава богу, нет». – «Ну, а нет, – говорю, – так все другое пустаки». (Лесков. Воительница).

Названная тема, как известно, занимает важное место и в условиях «внутри мужского» общения, однако вербализуется она в таком случае посредством более «прозрачных» и стилистически сниженных номинаций. «Одним из признаков мужественности является красочное описание своих сексуальных побед, причем чем их больше, тем лучше – тем выше твой авторитет в глазах окружающих. <...> Женщина в данной ситуации фигурирует постольку, поскольку она – лишь средство для передвижения в социальной иерархии данной группы» [7, с. 12]. Употребление эвфемизмов в мужской речи становится особенно необходимым в том случае, когда адресатом речи является женщина, тем более – при возникновении в процессе общения двусмысленного, эротического подтекста. Так, один из героев рассказа В. Аксенова «Апельсины из Марокко», знакомясь с девушкой, представляется ей как бурильщик, хотя не имеет никакого отношения к этой профессии. С помощью эротической метафоры молодой человек аллегорически подчеркивает свою опытность, искушенность, осведомленность в любовно-эротической сфере: «Это моя подруга Нина. Познакомьтесь!» – «Очень приятно, Ниночка. Бурильщик товарищ Виктор Алексеевич Колтыга к вашим услугам». Он стал нам рассказывать что-то о баскетболе, потом о футболе, потом о каких-то спортивных очках и что-то еще. Можно было подумать, что он крупный специалист по спорту. Он очень образованный, просто даже странно, что он бурильщик.

Мужские персонажи более регулярно, чем женские, используют фразеологические эвфемизмы для обозначения весьма деликатных (и поэтому изначально табуированных) интимных (прежде всего, внебрачных) отношений: Старик так и позеленел. Он никак не ожидал такой наглой дерзости от согрешившей <...> невестки. «Что ты это, такая-сякая», – начал он срамить Катерину Львовну. «Пусти, – говорит, – я тебе совестью заручаюсь, что еще худого промеж нас ничего не было». – «Худого, – говорит, – не было! А чем вы там с ним по ночам занимались? Подушки мужнины перебивали?» (Лесков. Леди Макбет Мценского уезда); «Не шути! – грубовато сказал он. – Мою свинью в ее огороде я не надеюсь пасти, не ищу этого, – не думай!» – «Ох, мужик», – вздохнув, сказала Ольга, сомнительно качая головой. (Горький. Дело Артамоновых); «Жена теперича скажет: «Что-то мой Миколушка делает?» – «Ого-го-го! Она, брат, небось, со свекром в голопузика играет». (Шолохов. Тихий Дон); И было, было, что уж теперь греха таить, в бессарабские виноградники попластунски лазил и как-то всю ночь давил там с одной смуглянкой-молдаванкой оч-чень дурманное и сладкое вино. (Астафьев. Ода русскому огороду).

Наблюдения над художественными текстами показывают, что основным побудительным мотивом в использовании в мужской речи эвфемизмов является не столько присутствие при разговоре женщин, сколько сугубо мужская тема разговора – мужские продуцирующие способности, которая по понятным причинам также табуируется. Сравн.: Война приучила их скрывать за улыбкой истинные чувства, сдабривать и хлеб, и разговор ядерной солью; поэтому-то Григорий и продолжал расспросы в том же шутиливом духе: «Как живешь, старый козел? Как прыгаешь?» – «По-стариковски, не спеша». – «Без меня ничего ишо не добыл?» – «Чего это?» – «Ну, соловья, что прошлой зимой носил...» – «Пантелеич! Боже упаси! Зараз к чему же мне такая роскошь? Да и какой из меня добытчик с одной рукой? Это – твое дело, молодое, холостое... а мне уж пора свою справу бабе на помазок отдавать, сковородки подмазывать...» (Шолохов. Тихий Дон).

«Мужские» эвфемизмы весьма употребительны в фольклорных текстах, иллюстрирующих ситуацию общения парня с девушкой. Участники коммуникации используют специфические устойчивые словосочетания, подтекстный характер которых ими отчетливо осознается. Так, в белорусских любовных песнях наибольшей частотностью характеризуются устойчивые словосочетания, содержащие в своем составе слово-компонент *конь*: *паіць* (*напаіць*) *каня*, *даць каню вады*, *пераняць каня*, *садзіцца на каня*, *асядаць каня* и др. Обычно

герой песни обращается к девушке с просьбой о том, чтобы она напоила его коня. На первый взгляд, такую простую просьбу девушка (хотя бы из приличия) не может не выполнить, но героиня, как ни странно, реагирует на это отрицательно, хотя (в различных песенных текстах) ведет себя по-разному. В одних текстах девушка сразу же отказывает парню, используя очевидную отговорку, и называет совершенно несерьезную, надуманную причину (например, холодную погоду), не позволяющую ей согласиться: *“Пастой, пастой, дзяўчыначка, / Дай каню вады”* – *“Рада б пастаяць, / Каню вады даць, / Мае босенькія ножкі, / Сцюдзёна стаяць”*. В других случаях героиня объясняет свой отказ ссылкой на воспитательный авторитет матери, на ее предупреждения о возможных последствиях от «гуляний» с парнями: *“Выйдзі, дзеўка, на ганачак, / Дай каню вады!”* – *“Я не магу ўстаць, / Каню вады даць”* – *“Мне матуля прыказала, / Каб я з хлопцам не стаяла, / Матулі баюсь, матулі баюсь*. Особенно же примечательно то, что чаще всего девушка обещает напоить коня лишь после свадьбы с лирическим героем, о чем свидетельствует употребление конструкции *як буду твая, яшчэ не твая*: *“Пастой, пастой, мая Кася, / Дай каню вады!”* – *“Як буду твая, / Напаю каня / З зіменькае крынічанькі, / З поўнага вядра”*; *“Дзеванька мая, / Напой мне каня, / Напой з чыстай, зімнай крынічанькі, / З поўнага вядра.”* *“Як буду твая, / Напаю каня./ Коніка з вядзерца, міленькага з сэрца, / Як буду твая”*; *Дзяўчына мая, напой мне каня!*” – *“Не напаю, казачэньку, яшчэ не твая. / Як буду твая, / То напаю два*.

Приведенный материал дает основание утверждать, что обращенная к девушке просьба парня о напоении или поимке коня является будничной и прагматичной лишь на первый взгляд; в действительности императивные конструкции *дай каню вады, напой каня, пераймі каня* и др. являются по своей сути «тестирующими», поскольку предполагают проверку реакции девушки на аллегорически выраженное предложение об интимных отношениях.

При определении внутренней формы фразеологизмов, содержащих компонент *конь*, следует учитывать отчетливо проявляющуюся в сфере народной духовной культуры связь названного домашнего животного с продуцирующей, детородной магией. Так, согласно «Домострою», жеребцов и кобыл привязывали рядом с подклетью (сенником), где молодые проводили первую брачную ночь. Весьма показателен также пример одной из «Заветных сказок», записанных А.Н. Афанасьевым, – «Стыдливая барыня»: интимные отношения описываются в финале сказки через аллегорический мотив поения коня в колодце, причем конь выступает как выразительный мужской, а колодец – как не менее выразительный женский символ [8, с. 11]. Сравн. также польские фразеологические эвфемизмы, включающие в свой состав рассматриваемый именной компонент: *konika popasać, napoić konia (koniczka)* ‘(о мужчине) иметь интимные отношения’ [9, с. 94] (см. подробнее: [3, с. 105-107]).

Украинский исследователь Н.П. Лесюк приводит многочисленные примеры регулярно встречающихся в текстах народных песен-«коломиек» «пикантных» (по терминологии автора) оборотов, в различной степени завуалированности обозначающих интимные отношения: *вести під вербу (під грушку), вікляпати косу, забратися в подушки, завести в корчюки, кликати в солому, подерти подолок, покрити дівчину, потягти в кукурудзи, притулитися до тіла, допускати до поділка, нічку ночувати (переспати), разом нічку спати, різати січку, роздерти фартух, сіно микати, смичком тьгнути* и др. [4, с. 135].

Активное использование в качестве эвфемизмов технических терминов глубоко закономерно, поскольку в целом «в мужской речи отмечается терминологичность» [1]. Так, для выражения понятия ‘выпить’ мужские персонажи романа Ф. Абрамова «Дом» используют эвфемистические по своей природе терминологические словосочетания, имеющие отношение к бытовой и технической сферам (*принять душ, произвести орошение, заправлять горючим*): *«А не принять ли нам, ребята, душ изнутри, а? Шагайте в мастерскую, я моменталом»*. *Михаил сбегал на погреб, принес две холоденькие, запотелые бутылки московского пивка, разлил по стаканам; Тут Петр Житов, давно уже озабоченно поглядывавший на опустевшие бутылки, раскупорил окно – бесполезно теперь отделять избу от улицы. «Засуха давит все живое», – изрек он с намеком. Приятели его, увлеченные разговором, даже ухом не повели. И тогда он уже открытым текстом сказал: «Орошение, говорю, кое-какое*

не мешало бы произвести, поскольку осадков в природе вроде бы не предвидится...» Егорша без слова выложил на стол два червонца; А то ведь что за друзья-приятели пошли в Пекашине? Пока ты их горючим заправляешь, из бутылки в хайло льёшь, везде для тебя зеленая улица, а карманы обмелели – и расходимся по домам.

Очевидно, таким образом, что лексические и фразеологические эвфемизмы в равной мере присущи как женской, так и мужской речи, однако их использование специфично в феминном и маскулинном дискурсах.

Abstract. The paper considers lexical and phraseological euphemisms which are used by male and female literary characters, and establishes thematic spheres of their usage.

Литература

1. Кирилина, А. Лингвистические гендерные исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1038>
2. Коатс, Дж. Женщины, мужчины и язык / Дж. Коатс // Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 34-231.
3. Коваль, В.И. Белорусская народно-песенная фразеология любовно-эротического содержания / В.И. Коваль // Frazeologickij ьtudie III. Jozef Mlacek – Peter Purio editori. К 13. Kongresu slavistov v L'ubl'ane. – Bratislava, 2003. – S. 105-115.
4. Лесюк М.П. Фразеологізми еротичного змісту в українському пісенному фольклорі // “Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах”, V Междунар. научная конференция “Славянская фразеология в ареальном, историческом и этнокультурном аспектах”, 22-23 октября 2007 г.: [материалы] / редкол.: В.И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – С. 132-137.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание: Структура и социальная типология языков: учеб. пособие / Н.Б. Мечковская. – Минск: Амалфея, 2000. – 368 с.
7. Першай, А. Гендерные аспекты речевого поведения / А. Першай // Иной взгляд. – 2000. – № 5. – С. 11-12.
8. Русские заветные сказки, собранные А.Н. Афанасьевым. – М.: Диво, 1991. – 124 с.
9. Dębowska, A. Słownik eufemizmów polskich, czyli w rzeczy mocno, w sposobie łagodnie / A. Dębowska. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 1998.
10. Lakoff, R. Language and Woman's Place / R. Lakoff. – New York: Harper & Row, 1975.